

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН
ТИМ ВОЛКОВ

1

МАСТЕР АРХИВОВ

Сергей Карелин
Тим Волков
Мастер архивов. Том 1

<https://litres.ru/73972173>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я был решалой - посредником в спорах и проблемах больших людей. Пока однажды... нет, не умер. Загадочная сущность перенесла мой разум в тело помощника архивариуса, в иной мир, который похож на наш. Похож... Ну если не считать, что здесь до сих пор Российская империя и тут есть магия. А еще тут есть монстры, лезущие из разрывов реальности и желающие меня сожрать. Да и сам Архив, где я работаю, не простой. Чтобы вернуться домой я разгадаю его тайны. Пусть даже если на моем пути встанет... стоп, а это еще что?!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Мастер архивов. Том 1

Глава 1

Тварь хотела жрать. И судя по голодным красным глазам, наблюдающим за мной, сожрать она намеревалась именно меня.

— *А-аг-р-р-р-к-х!* — зарычал монстр.

И тут же атаковал. Резкий выпад! Удар щупальцем! Громыкнуло. В стену полетели папки и книги.

Я в последний момент успел отклониться.

Еще атака. Тварь вновь зарычала, на этот раз как мне показалось обиженно, — не привыкла, чтобы еда убегала от нее.

Магический камень — кусок обсидиана, вшитый в кожаный браслет — впился в запястье. Еще секунда, и эти щупальца, сотканые из полупрозрачной, мерцающей тьмы и древней архивной пыли, разорвут меня на части.

Я откатился под массивный дубовый стол, задев плечом стойку. Сверху посыпались папки и книжные карточки. Государственный архив явно не предназначен для боев с тварями из других планов бытия!

Щупальца монстра, похожие на оживший клубок испорченной киноплёнки и чернильных клякс, впились в дерево с глухим стуком. Доски тут же треснули.

— А ну отвали! — выдохнул я, вцепившись в камень. Магия поддавалась с трудом — какие-то костыли, неудобные и кривые! Но когда нет альтернативы приходится использовать что есть.

Монстр зарычал — ага, по-хорошему значит не хочет. Тогда придется по-плохому. Несколько заученных заклятий — не магия, больше похожих на инструкцию, — сплести в узел, поставить печать — и

Из обсидиана вырвалась волна силового импульса — нестройная, аляповатая. Но эффективная, как удар кувалдой.

Волна смяла передние щупальца твари, заставив их на миг расплыться в облако черной мути. Раздался звук — будто рвут тысячу листов старого пергамента. Потом — пронзительный визг. Неприятно? То ли еще будет!

Я выскочил из укрытия, побежал, спотыкаясь о разбросанные фолианты. Черт, потом еще убираться тут, после боя. Если жив останусь.

Нужно проскочить к стеллажу со старыми свитками — он сделан из особого материала, защищающего не только от влаги, но и от магических воздействий.

Не успел.

Щупальце твари стремительно метнулось по полу, обвивая мою лодыжку. И тут же — резкий захват. Но потянуть к себе тварь меня не успела — я вновь воспользовался обсидианом.

— Свет! — рявкнул я.

Камень вспыхнул резкой, режущей вспышкой белого света. Удар! Волна размозжила щупальцу по полу.

Тварь взвыла — беззвучно, но весь воздух в комнате завибрировал, заставив звенеть дверцы шкафов. Хватка щупальца ослабла. Я рванул ногу, чувствуя, как кожа холодеет, будто обмороженная.

Холод. Ледяной, нефизический холод, высасывающий не тепло, а саму жизнь. Тварь особая и питается она по-особому. Если схватит — пищи пропало. Высосет всю жизнь за считанные секунды, превратив тебя в иссохшую мумию.

— Не с тем связалась!

Я вновь обратился к обсидиану. Но на этот раз решил не бить напрямую — знал, что заряда в нем уже совсем не осталось. Чего-то большего ожидать от казенных игрушек не стоило. Вместо этого я сплел немного другой конструкт, делая акцент не на ударе, а на крюке. Остром, цепком магическом крюке.

— Давай! — прикрикнул я на камень, ощущая, как тот дрожит — заряда в нем практически нет.

Из обсидиана выстрелил тонкий, почти невидимый шнур силовой энергии. Не в монстра. В тяжелую металлическую стойку позади него. Шнур обвил металл, зацепился. И я тут же рванул на себя.

Стойка с грохотом рухнула вперед, прямо на колышущуюся массу. Десятки коробок, папок, тяжелых переплетов обру-

шились на тварь. Раздался оглушительный треск и странный, влажный хлюп. Монстра придавило. Он начал извиваться, но вырваться не смог.

Это мой шанс!

Я рванул прямо к монстру, попутно создавая еще один конструкт, последний.

«Давай, только бы хватило! Совсем немного! Не подведи!»

Словно услышав мои внутренние мольбы, обсидиан задрожал сильнее.

Прыжок. Атака!

Тонкий луч света словно игла ударил прямо монстру в голову. Так тебе!

Обсидиан не выдержал напора, треснул. Ниточки трещин побежали по камню.

«Только не развались в руках в самый ответственный момент!» — подумал я, с хрустом вгоняя луч света глубже в голову монстра.

Руку обожгло — камень окончательно рассыпался. Но я успел добить тварь.

— Сдохни!

Монстр заквакал, начал пульсировать в агонии, сжиматься. А потом, издав тихий, похожий на вздох, звук, лопнул. Оставшаяся масса осела на пол бесформенной лужей чернильной слизи, которая через мгновение начала быстро испаряться, оставляя лишь резкий запах гари. Вскоре от мон-

стра ничего не осталось.

Тишина. И далекий гул города за толстыми стенами.

— И такая дребедень — целый день! — устало вздохнул я, разглядывая беспорядок вокруг.

Я уже говорил, что работать архивариусом одна сплошная скука?

В основной офис я вернулся только через два часа. Пришлось прибраться — вернуть на место стеллаж, расставить на нем свитки в алфавитном порядке. Да и с папками и карточками, валяющимися на полу после боя, тоже пришлось повозиться.

После гробовой тишины хранилища меня оглушил знакомый гул: стук клавиатур, гудение системных блоков, разговоры и звонки телефонов. Вроде Центральный архив, а шума как на базаре!

— Николаев! Ну наконец-то!

Противный гундосый голос заставил сморщиться.

— Николаев! А ну стой!

Голос исходил от стойки у входа. Оттуда, где восседал Аркадий Фомич Лыткин, старший архивариус нашего сектора. У него был свой кабинет, но эта стойка — словно площадка для наблюдения, — была любимым его местом. Отсюда открывался вид на все рабочие места.

Я медленно повернулся. Аркадий Фомич не был моим прямым начальником — начальником являлся заведующий

отделом, который вечно болел. Он его замещал. Вдобавок Лыткин обладал уникальным талантом занимать такое место в офисе (и в сознании начальства), что казался незаменимым стержнем, на котором все держится. Этаким опекун «бестолковой» молодежи, которому разрешали ее воспитывать, чем он охотно и занимался.

Да и выслуживался он знатно. Ему было под пятьдесят, он носил синие рубашки в клетку, вылинявшие от стирок до серости с запонками «под золото», и вечно ходил с блокнотом, куда заносил «замечания». Его лицо, узкое и бледное, с вечно поджатыми губами, сейчас выражало чистую, неподдельную претензию.

— Я вас жду уже два часа, семнадцать минут, — протянул он, поглядывая на часы. — «Сходить в западное крыло хранилища, сдать фолианты, вернуться». На это, по моим расчетам, требуется не более получаса. Где вы пропадали остальное время?

Сказать ему? Нет, рисковать я не буду. Камеры не фиксируют этих тварей.

Когда я первый раз чуть не угодил в пасть к рогатой твари, прибежал к Лыткину и все честно рассказал. Тот (как я уже позже понял демонстративно) при мне посмотрел камеру видеонаблюдения и ничего там не обнаружил.

— Вы что, меня за идиота считаете? — возмущенно посмотрел он на меня. — Монстры? Еще раз что-то такое скажете — вылетите отсюда с волчьим билетом. Никуда больше

не возьмут вас, ни на какую государственную службу. Будете в канаве жизнь доживать.

Конечно, потом уже я понял, что он это сделать не сможет, не его уровня этот вопрос, но стучать начальству выставляя сотрудника некомпетентным это запросто. А вода, как говорится, камень точит. Так что никто из работников с ним не спорил.

Вот и сейчас приходилось импровизировать.

— Возникли кое-какие трудности с доступом, Аркадий Фомич, — ответил я. — Дверь заклинило. Пришлось искать обходной путь через технические помещения.

Лыткин прищурился. Ложь он чувствовал за версту. Но слышать правду он вряд ли сейчас хотел бы.

Это позже я узнал, что про монстров в западном крыле хранилища все знают. Знают, но старательно молчат. Потому что говорить об этом нельзя — приказ Босха, руководителя Императорского Департамента исторического наследия и магических артефактов. Почему? Хрен его знает. Помому, никто это кроме самого Босха и не знал. Наверное, не хотят государственный Архив показывать не в лучшем свете. Как говорится, пыль из избы не метут.

Тем более, как я понял за две недели работы в отделе, нападали монстры чаще всего почему-то только на меня. Остальные-то очень редко с ними сталкивались.

— «Трудности», — повторил Лыткин, растягивая слово. — У всех трудности, Николаев. У Марии Ивановны трудно-

сти с каталогизацией, у Петрова трудности с отчетом по цифровизации. Но работа-то идет. А вы — пропали. И теперь график оцифровки по сектору «Г» сдвигается. Из-за ваших «трудностей».

Он сделал паузу, давая мне почувствовать всю тяжесть своей вины перед отделом, перед архивом, перед, черт возьми, исторической наукой. Вокруг продолжали стучать клавиатуры, но я почувствовал на себе взгляды. Коллеги не смотрели открыто, но уши были наострены. Спектакль от Лыткина — лучшее бесплатное развлечение в течение дня.

— Вам нужно понимать, молодой человек, — продолжил он, — что архив — это не место для прогулок и самостоятельности. Это механизм. Винтик заело — страдает весь агрегат. Вы — винтик. И я, как более опытный винтик, или, может быть, даже передаточный механизм, обязан вас направлять. Чтобы не было перекосов.

«Какой же он идиот!» — только и смог подумать я, глядя куда-то в пространство.

Руки сами собой сжались в кулаки. Я почувствовал в ладонях призрачное эхо силы. Былой силы. Мне хватит одного рывка. Одно движение. Чтобы этот самодовольный, напыщенный индюк полетел через три стола и впечатался в стену с грамотами.

Но нельзя.

Кивнул. Один раз, коротко и без выражения.

— Понял, — сказал я тем же ровным, глухим тоном. —

Учту. Больше не повторится.

Лыткин, удовлетворенный этим (видимо принял ответ за капитуляцию), буркнул что-то вроде «смотрите у меня» и уткнулся в свой блокнот, выискивая следующую жертву для своих «наставлений». Потом, уже разворачиваясь, отбывая с чувством исполненного долга к своему «трону» — столу с самой новой техникой, вдруг замер.

— Да, и еще, Николаев — произнес он не оборачиваясь. — Тот обсидиановый браслет-стабилизатор. Вы же его брали, когда ходили в западное крыло? Сдайте в камеру хранения. По акту. Как полагается.

Черт! Артефакт

Не услышав ответа, Лыткин медленно, как маятник, повернулся обратно. Его брови поползли вверх.

— Николаев? Браслет.

— Он не подлежит сдаче, Аркадий Фомич.

— Как это Объяснитесь.

— Он вышел из строя. Треснул. Фактически рассыпался.

Слова повисли в воздухе.

Сначала Лыткин нахмурился. Потом моргнул. Потом его узкое лицо начало меняться. Бледность сменилась нездоровым, пятнистым румянцем, подступившим от ворота рубашки к самым вискам. Тонкие губы, всегда поджатые, разомкнулись, затем снова сжались в белую ниточку.

— Рассыпался, — повторил архивариус без интонации.

— Рассыпался. Магический артефакт инвентарного номера

Б-447-КЖ. Принятый на баланс по акту от двенадцатого января этого года. Состоящий на материальной ответственности отдела. Рассыпался. В который уже раз это происходит у вас, Николаев? Кажется, третий, только за эту неделю!

Он сделал шаг ко мне.

— И где, позвольте спросить, остатки обсидиана? Осколки? Пыль, в которую он, по вашим словам, превратился?

Я молчал. Известно всем — осколки магических камней превращаются в пепел. Магия сжирает камень. Что же мне остается? Принести ему пригоршню магического пепла? Издевается.

— Безответственность, — прошипел Лыткин, и его голос наконец сорвался на визгливую, сдавленную ноту. — Халатность вопиющая! Вы понимаете, что нанесен ущерб имуществу Архива? Понимаете стоимость даже базового стабилизатора?!

Он вскинул руку, указывая пальцем, будто пригвождая меня к месту этим жестом.

— Работать! — выдохнул он, и брызги слюны блеснули в воздухе. — Вы будете отрабатывать. Час за часом. Копейка за копейкой! Ночная смена сегодня. И завтра. И всю следующую неделю! Без выходных! Пока примерная стоимость артефакта не будет покрыта вашим трудом!

Ну насчет всей следующей недели это он загнул, для красного словца сказал. Есть определенные, правила, должны быть отсыпные Впрочем, Лыткин научился обходить

это несуразное послабление трудового законодательства. Так что, угроза вполне себе реальная.

— И это еще не все! Я требую от вас письменного объяснения. Подробного! И, будьте уверены, этот инцидент не останется без последствий для вашего дальнейшего нахождения на службе!

Он почти задышался от собственной ярости и праведного гнева. В офисе воцарилась мертвая тишина. Стук клавиатур прекратился. Все смотрели в мониторы с неестественным, притворным вниманием, но уши были настрожены, как локаторы.

Я стоял, приняв этот удар. Не опустил голову. Просто смотрел на него, на этого человека, для которого треснувший камень был катастрофой вселенского масштаба, едва сдерживаясь. В прошлой жизни я бы разбил ему нос. Одним ударом. Свернул бы ему шею, как цыпленку.

Но сейчас Сейчас я должен бы терпеть, потому что принял правила Игры. Игры, в которой не оставалось место для ошибок.

Тут я уже две недели. Две чертовых недели. Четырнадцать дней. Всего лишь четырнадцать дней. Но как же этот мир мне надоел!

Петербург. Столица страны. Российской Империи. Где существует интернет, машины, высокие технологии. А вместе с ними прекрасно уживается магия, монстры, и этот Архив,

в котором я по воле случая работаю

Алексей Николаев Парень двадцати четырех лет, несуразный, высокий голубоглазый блондин. Сын Сергея Николаева, мелкого аристократа с провинциальной усадьбой, который имел неосторожность поспорить с фаворитом губернатора о земельных наделах. Спор проиграл. Результат — лишение статуса, конфискация, ссылка в Сибирь на рудники. Семья рассыпалась.

Мать умерла от горя. А сын, Алексей, в одночасье оказался практически на улице. Нет, баронский титул у него остался. В конце концов сын за отца не в ответе. Но имение конфисковали, денег хватило для того, чтобы добраться до столицы, где он сумел с помощью какого-то давнего знакомого отца устроиться на работу в Архив. Хоть здесь ему этот титул как-то помог. Правда как я понял из памяти моего реципиента, этот благодетель в прошлом году умер

Так что перспектив у Алексея практически не было А у меня до сих пор теплилась надежда, что найду способ вернуться.

Я уже направлялся к выходу, надеясь улизнуть в тихую столовую расположенную в соседнем корпусе, как услышал за спиной быстрые шаги и радостный голос:

— Леха! Леха, стой! Поболтаем. Ну наконец-то я вырвался из своего каменного мешка! Не кабинет, а просто пытка какая-то!

Я внутренне застонал. Костя. Второй помощник архива-

риуса, ходячая энциклопедия архивных слухов и человеческое воплощение тоски. С ним любой пятиминутный перерыв рисковал превратиться в получасовой монолог о качестве ламината в коридорах или подробностях личной жизни уборщицы Марфы Васильевны.

— Держи, — он, запыхавшись, сунул мне в руку стаканчик с дымящейся коричневой жидкостью. — Спасайся. Без этого зелья тут мозги в труху превращаются. Настоящее сонное царство. Мухи — и те спят на лету!

Я потянулся в карман, чтобы заплатить за кофе, но Костя остановил меня.

— Сегодня бесплатно — автомат опять сломался, за так наливает. Надо только дернуть рычаг сильнее вверх. Я, кстати, провел сравнительный анализ всех кофемашин в радиусе трех корпусов. Этот — относительный лидер по балансу горечи и кислотности, хотя лично я подозреваю, что они все заварены на одной и той же воде из технического крана в подвале.

Я оглянулся, думая куда бы улизнуть. Ничего подходящего, к сожалению, не нашел.

— Говорят Лыткин, гад, засунул тебя в ночные аж на неделю? — Костя сделал глоток своего кофе и тут же поморщился. — Видишь? Даже сахар не спасает. Надо бы написать коллективную петицию. Кстати, о петициях, ты слышал, что в отделе кадров

— Угу. За артефакт, — перебил я, стараясь направить раз-

говор в нужное, хотя и опасное, русло.

— Ну конечно, за артефакт, — Костя кивнул с пониманием видом знатока. — У него же там, в блокнотике, целый раздел на тебя заведен. Шучу, шучу! Не только на тебя, на всех на нас. В прошлом месяце он Пылкову из-за испорченного дырокола ночное дежурство вlepил. Представляешь? Дырокол! А тут — магический камень. Ты для него теперь звезда первой величины на небосводе вредительства.

— В западном крыле был? — спросил я вполголоса, пока Костя отвлекался на попытку снять с рукава несуществующее пятнышко.

— На позапрошлой неделе ходил, — Он оживился, как будто я нажал на его любимую кнопку. — Но это мягко сказано — ходил! Бегал! Там же теперь, по сути, сафари-парк для самоубийц. Я вот месяц назад с тварью одной встретился. Еле ноги унес. Хотя, если честно, она больше похожа была на оживший комок паутины с глазами, не очень-то и страшная. Но сам принцип! А у тебя что, опять изнавр повстречался?

Называть тварей изнаврами — динозаврами, пришедшими извне, — придумал сам Костя, чем сильно гордился и в любой ситуации использовал это глупое слово.

— Попалась одна тварь, — кивнул я, делая вид, что внимательно изучаю надпись на стаканчике. — С щупальцами.

— Одна? Повезло! — Костя выдохнул, и глянул на меня вдруг как-то загадочно улыбнулся. — Знаешь, я тут обратил

внимание кое на что. Они на тебя чаще нападают, твари эти.

— Думаешь? — спросил я и вдруг понял — Костя прав. На меня и вправду что ни поход в западное крыло, то твари эти лезут. Действительно монстры нападали на других не так часто. И не такие крупные.

— Возможно, у тебя аура особенная. Тебе надо к специалисту сходить, проверить. Я как-раз знаю одного, он скидку может сделать

Я лишь неопределенно пожал плечами, спросил:

— Считаешь, что это только мне так везет?

— Кто знает? — неопределенно ответил Костя. — Может, тебе везет, а может Есть определенные признаки.

— Какие еще признаки?

— Что пространство там, в западном крыле ну, протекает сильнее. Тварей больше становится. И время их пребывания увеличивается. И периодичность. Со статистикой не поспоришь. Не к добру все это. А тебе надо было сразу драпать, в драку не вступать. Сохранил бы артефакт. Фомич поорал бы и успокоилось все.

— Может ты и прав, — согласился я, — вот не помню когда все это началось?

Работать не было никакого настроения. Впрочем, как и всегда. Так, может, что полезного из болтовни Кости узнаю? Правда, надо осторожно. Так и спалиться недолго.

Парень пожал плечами, задумался.

— Слушай — протянул он, — Наверное, с месяца четы-

ре назад. Что-то случилось. Точно никто не знает. В западном крыле, в старом фонде, в подвальных хранилищах пространство расслоилось. Так это называют. Как слоенный пирог. Там теперь карманы. Или дыры. Кто их знает. И из них время от времени выползает всякая хрень.

Он отхлебнул кофе, и рука у него слегка дрогнула.

— Говорю, тебе еще повезло. Щупальца говоришь? Ерунда. Есть и другие.

— Например?

— Ребята в курилке разное рассказывают, — чуть тише произнес Костя. — Например Книжный Червь. Его мало кто видел и выжил. Жуткая тварь! Длинное, бледное, полупрозрачное существо. Шевелится без звука.

— Книжный Червь? — улыбнулся я. — Ну-ну

— Зря ты смеешься. Он не бумагу ест. Он пожирает информацию. Понимаешь? А архив — это же целое хранилище информации! А еще из голов пожирает все, — Костя постучал себя по виску. — Вот прямо отсюда. Там ведь тоже много информации имеется. Подберется, обовьет и высасывает все. Все, что ты знал, помнил, чем был. Остается от тебя пустая оболочка. Ходит человек, дышит, даже работу какую-то механически делать может. Но внутри — ноль. Полный овощ. Зомби архивный.

— Ерунда какая-то, — отмахнулся я.

— Не ерунда!

— Ты мне лучше скажи, почему молчат все об этом? Все-

таки архив государственный — важная организация. А все молчат, старательно делают вид, что ничего не происходит. Однако артефакты для защиты тем не менее выдают. Вот только не надо мне про сор из избы рассказывать!

— Потому что говорить об этом — он понизил голос до шепота, — строжайший запрет. С самого верха. От Босха. «Не сеять панику. Не портить статистику. Не создавать поводов для проверок». Вот так и сказал. Он же докладывает ежемесячно самому императору о делах Архива. А кто в своем уме скажет Его Величеству что в Архиве беспорядок и грязи разведено всякой магической? Никто. А кто пойдет против Босха? Вот все и молчат. Раньше вообще просто ходили, на удачу в западное крыло. Это сейчас руководство навстречу пошло, обсидианы выдают, для защиты. Типа никого нет, но на всякий случай лицемеры! И магические конструкции с печатями заставляет заучивать, чтобы отбиваться. Кстати, скоро экзамены очередные будут, готовиться надо.

— И все просто молчат, потому что Босха боятся?

— Ну да. А что делать? — в голосе Кости прозвучала горечь. — Кому жаловаться? Охране? Они сами дальше вахты не суются, у них приказ. Полиции? Скажешь: «У нас в архиве черви пространственно-временные». Ну так докажи — предоставь видео доказательства. А их, сам знаешь, нет. Камеры такое не фиксируют. Тебя в дурку сошлют. Начальству? Босх сам первый прикроет. Ему главное — отчетность, чтобы фонды числились, а что в них на самом деле творится

Ему по барабану. Мы для него — расходный материал. Как и эти обсидианы. Сломался — получи новый.

Он допил свой кофе, смял стаканчик.

— Так что, Леха, — он поднялся, потянулся. — Терпи и молчи. И смотри в оба. Особенно ночью. Особенно когда становится слишком тихо. Червь любит тишину. А тебе целую неделю еще в ночную ходить. Да и монстры тебя обожают.

Я отмахнулся.

— Не нагнетай!

— Да я что, я просто предупреждаю!

Костя похлопал меня по плечу и пошел прочь.

День тянулся как холодная смола. После обеда суеты стало меньше, и я занимался тем, что механически вбивал данные в электронную базу — инвентарные номера, шифры, пометки о сохранности.

— Николаев!

Голос Лыткина разрезал гул офиса. Он стоял у своего стола, размахивая листком.

— Уснули? Вам поручение. В восточное крыло, хранилище семь-альфа. По заявке отдела прикладной темпоральной лингвистики. Извлечь и доставить в мой кабинет манускрипт «О рекомбинации смысловых полей в контексте стабильности линейного времени». Шифр E-777-ТЛ. Без задержек. И без «трудностей с доступом», ясно?

— Ясно, — кивнул я, поднимаясь.

Восточное крыло считалось спокойным, «цивилизованным» — там хранились в основном теоретические труды и недавно оцифрованные коллекции. Никаких расслоений. Туда даже охранники заглядывали.

— Надеюсь, хоть с этим справитесь? — не преминул уколоть Лыткин.

— Придурок, — буркнул я.

— Что вы сказали?

— Говорю, конечно, справлюсь и что пойду прямо сейчас. Длинные, залитые холодным светом коридоры восточного крыла были пустынно и тихи. Я нашел хранилище 7-А. Массивная стальная дверь с электронным замком. Я приложил пропуск, дверь с легким шипением отъехала в сторону.

Внутри царил идеальный порядок. Стройные ряды серых металлических стеллажей, уходящие в полумрак под потолком. Каждый ящик, каждая папка — на своем месте, промаркированы, пронумерованы. Тишина была настолько полной, что в ушах начало звенеть.

Шифр E-777-ТЛ. Седьмой ряд, верхняя полка. Я нашел небольшой, в твердом переплете из потемневшей кожи том. Аккуратно снял его.

Именно в этот самый момент я почувствовал легкий сквознячок. Холодный, неприятный. Странно, дверь я закрыл. Откуда тогда дует?

Я обернулся.

Сквозняк шел из глубины прохода, за последним стеллажом. Там, в стене, должна быть аварийная дверь или технический выход. Но вместо нее я увидел просто темный проем. Густую, непроницаемую черноту, нарушавшую строгую геометрию помещения.

Любопытство? Глупость? Или что-то еще — та самая тяга, что заставила меня в прошлой жизни лезть в самые опасные разборки — подтолкнуло сделать шаг. Еще один.

Но дойти до стены я не успел.

Раздался скрежещущий звук. Пространство вокруг меня дрогнуло, поплыло. Коридор, стеллажи — все это на мгновение превратилось в мираж. Магия? Она!

— Ты зашел не в ту дверь! — произнес нечеловеческий голос за моей спиной.

И на стену упала жуткая угловатая тень. Но не десяток узловатый конечностей меня смутили, и не размер существа — под три метра. А огромная пасть, усеянная сотней острых клыков, такая огромная, что может сожрать меня целиком, не пережевывая.

— Ты зашел не в ту дверь! — повторило Существо. — И ты об этом пожалеешь. Прямо сейчас.

Глава 2

«В странный мир я все-таки попал», — подумал я, глядя на жуткую тень на стене.

— Ты зашел не в ту дверь! — повторила тварь. — И ты об этом пожалеешь. Прямо сейчас

Адреналин ударил в виски, но ясность от этого только обострилась.

«Обсидиан! Черт. Я безоружен!»

Не кристалл, так хоть палка — решил я. Мой взгляд метнулся по сторонам, выхватывая в полумраке у стены длинную деревянную ручку с металлическим наконечником — архивный крюк для снятия фолиантов с верхних полок. Хлипкое оружие против тени с клыками, но лучше, чем ничего.

Я рванул к нему, выдернул из крепления. Развернулся, приняв боевую стойку.

Тень на стене замерла. Пасть, полная игл, приоткрылась в немом удивлении.

— Какой пряткий, — проскрежетал голос, но теперь в нем прозвучала странная нота любопытства?

Я пригляделся. Что-то меня смущало в этом монстре. Какой-то он был не такой как те, что водились в западном крыле. И двигался не так, как-то угловато, и не нападал, словно выжидая чего-то. Словно бы не настоящий.

К тому же восточное крыло — откуда тут монстры? Что-то настораживало.

И словно в подтверждение моих мыслей из-за угла самого дальнего стеллажа, прямо из сгустка черноты, плавной, бесшумной поступью вышел кот. Невероятно пушистый, пепельно-серый в полоску, с огромными, светящимися в полутьме изумрудными глазами. Он невозмутимо сел, обвил хвостом лапы и уставился на меня.

— Хватит уже пугать посетителей, Мрак, — сказал кот. Голос был низким, бархатным, с легкой хрипотцой. — Особенно таких непугливых.

Тень на стене с недовольным шипением дрогнула и начала таять, как чернильное пятно в воде, пока от нее не осталась лишь обычная тень от стеллажа. Давящее ощущение угрозы испарилось.

Я не опустил крюк. Смотрел то на кота, то на то место, где только что была пасть.

— Ты говорящий? — выдавил я наконец. И это удивило меня гораздо сильнее, нежели сам монстр.

— Ну да.

— Ты настоящий? Ну, в смысле материальный?

— Вполне себе материальный, можешь даже потрогать. Впрочем нет, трогать меня не нужно, не люблю я этого. А что, удивлен? — кот лизнул лапу и провел ею за ухом.

— Есть немного. Просто не видел ни разу говорящих котов.

— Скучный ты какой-то, — муркнул кот. — Не кричишь, не бежишь. Не интересно.

— А ты что, людей тут пугаешь?

— Бывает, — кивнул кот, прищурившись. — От скуки.

— Ты вообще кто такой? — в голове начали появляться версии — одна страннее другой. Может, какой-то маг, запертый в теле животного? Может, существо из иных планов бытия, ловко маскирующаяся под животное? А может, и вовсе галлюцинация?

— Слепой что ли? Сказал же, я — кот, — ответил кот. — Самый обычный. Арчи меня зовут. Арчибалд.

— Алексей, — представился я, еще пребывая в странном замешательстве. Монстров — видел, магов — видел, а вот говорящих котов — впервые.

— Ал-лексей — протянул кот и вдруг сморщился. — Какое некрасивое имя!

— Нормально имя!

— Я буду называть тебя Лексом. Мне удобнее так. И может уберешь уже свое копьё? А то я себя неуютно чувствую.

— Да, конечно, — я опустил импровизированное оружие. — А ты вообще как? Я имею ввиду

— Как что? Заговорил? — Арчи зевнул, показав маленькие, но очень острые клыки. — И сам не совсем понимаю. Я тут живу, в архиве. С тех пор как был котенком. Меня завели, чтобы за мышами охотился — против них никакие магические заговоры не помогают. Мыши грызли магические

свитки, я — мышей. Вот и впитал эти способности. Ну и получил определенные умения. Теперь вот, болтаю. Скучно, знаешь ли. Иногда приходится развлекаться — подпускать Мрака. Но он, в общем-то, безобидный. Проекция.

Я прислонил крюк к стеллажу, медленно выдыхая. Сердце все еще колотилось от абсурдности происходящего. Говорящий кот. Магический говорящий кот.

— То есть, эта тень это ты? — уточнил я.

— Отчасти, — Арчи мотнул головой. — Воображение, помноженное на остаточную магию фондов. Я же сказал — скучно. А ты — его изумрудные глаза прищурились, изучая меня, — ты пахнешь чем-то интересным. Не только страхом. Решимостью. И другой жизнью. Очень чужой. Как будто бы не отсюда.

— Может, и так, — уклончиво сказал я. — А что этот Мрак? Еще появится?

— Если мне станет скучно, — кот встал, потянулся, выгнув спину дугой. — Но, пожалуй, с тобой может быть интереснее. Ты ведь теперь будешь тут работать? Часто?

— Ты то откуда это знаешь?

— Я все знаю!

— Ну да, — сказал я. — Очень часто. Каждую ночь.

Арчибальд замурлыкал. Звук был на удивление громким и довольным.

— Отлично. Значит, будем знакомы. Заходи, если что. Я обычно на греческом секторе, третья полка сверху, там самая

удобная пачка свитков для лежачка. И еще, Лекс

— Да?

— В следующий раз, если собираешься воевать с теньями, возьми не крюк. Возьми — он кивнул в сторону дальнего угла, где на полке пылился старый, потрепанный фолиант, — «Тактику ведения боя в ограниченном пространстве против превосходящих эфирных сил». Читается на одном дыхании. Увлекательное чтиво!

Решала. Это не профессия. Скорее состояние души. Ты — живой узел, где сплетаются нити. Нити денег, страхов, долгов, амбиций, грязных секретов. Ты не бандит. Ты — молот, который ремонтирует и соединяет те шестеренки, которые по закону не должны сцепляться, но без этого мир встанет.

Строительный магнат не может поговорить с чиновником из мэрии? Поговорю я. Нужно убедить конкурента «пересмотреть позиции» без лишнего шума? Объясню. Нужно найти то, что потерялось, и потерять то, что не должно найтись? Я знал, где искать и как терять.

Последнее дело пахло большими деньгами — накосячил один сынок влиятельного человека. Ничего криминального, с криминалом я старался не связываться. Я навел справки, договорился о встрече с нужными людьми. Один генерал взялся решить проблему. Приехал я один. По правилам. С чемоданом с первым траншем — внушительным, чтобы показать серьёзность намерений. Подвал выставочного ком-

плекса Не самое лучшее место, для встречи, но не для меня.

С генералом удалось договориться, хоть и не сразу — все же деньги сыграли свою роль.

— С тобой приятно иметь дело! — сказал он, протягивая руку.

Я сделал шаг вперед, чтобы пожать руку на сделке.

И в этот момент воздух задрожал. Послышался шепот.

Сначала я подумал, что это сквозняк из какой-то щели. Но звук был иным. Тихий, шелестящий шорох, словно тысячи страниц одновременно перелистывает невидимая рука.

Генерал нахмурился, огляделся.

Из углов подвала поползла чернота — густая, маслянистая субстанция, больше похожая на жидкую тень или черный туман. На периферии этого тумана вспыхивали золотистые полосы, словно шрамы. Чернота двигалась против законов физики — не рассеиваясь, а сгущаясь, нарастая, как прилив. Все это выглядело крайне необычно.

— Что это? — прорычал генерал.

Туман стелился по полу. Он не имел запаха, но от него веяло таким ледяным холодом, что по спине побежали мурашки.

— Что за идиотские штуки? Это твоя работа? — зарычал он.

— Нет, — коротко бросил я, отступая. Мозг лихорадочно соображал — дымовая завеса? Галлюциноген? В игру вступил какой-то третий игрок? Нет, я все проверил. Тогда что

это, черт возьми?!

Ловко обогнув генерала и его «спецов», туман добрался до меня. Холод пронзил тело насквозь. Меня словно парализовало. Я увидел, как мир вокруг — генерал, его «спецы», подвал, чемодан с деньгами — начинают расплываться, терять цвета, контуры, превращаясь в блеклую акварель, которую затем смывает черная вода.

Последнее, что я осознал — это леденящий ужас в глазах генерала, обращенный не на меня, а на черный туман.

А потом ничего. Ни света в конце туннеля. Ни воспоминаний о жизни. Абсолютное ничто. И из этого ничто — толчок. Как будто меня вытолкнули из небытия.

Я открыл глаза. Незнакомое место.

Так я и оказался в Архиве. Точнее в Императорском Департаменте исторического наследия и магических артефактов, месте, где под сталью, бетоном и древними защитными заклятиями хранилась хрупкая плоть самой магии — манускрипты, свитки и кодексы, написанные не столько чернилами, но волей магов и их кровью.

А еще я понял, что мой разум попал в чужое тело — в тело помощника архивариуса, слабака Алексея Николаева. Что стало с настоящим Николаевым? Предполагаю, что он умер от страха, увидев монстра. Я же, пока еще оставался жив

Я положил плотный кожаный футляр с манускриптом на

край стола Лыткина, прямо поверх аккуратной стопки бумаг. Работа выполнена. Манускрипт доставлен.

Архивариус оторвался от монитора, пристально посмотрел, затем на настенные часы. Его тонкие брови поползли вверх.

— Николаев? — произнес он с преувеличенным удивлением. — Уже вернулся? Без «заклинивших дверей»? Без «поиска обходных путей»? Без фантазий про каких-то эфемерных монстров?

— Так ведь монстры же есть, — не сдержался я.

— Нет монстров! — буквально зашипел Лыткин. — Есть определённые магические нестабильности. Временные нестабильности! Для этого вам и дается обсидиан, который вы, кстати, успели уже уничтожить.

Я пожал плечами. Злить Лыткина было весело.

— Манускрипт доставлен, — сказал я, вырубивая беседу в нужное русло.

— Доставили, — кивнул тот, немного успокоившись. — Без того, чтобы случайно не уронить полку с раритетными изданиями? Настоящее чудо. Может, вас, наконец, посетило понимание субординации и ответственности?

В его голосе звучала привычная, жирная ирония. Он ждал оправданий, заискивания, нервного взгляда. Я же просто стоял, глядя в пространство над его левым ухом. Внутри, после встречи с Арчи, бушевала смесь абсурда и странного спокойствия. Этот мелкий тиран со своим бумажным царством

казался теперь еще более нелепым.

— Манускрипт из хранилища семь-альфа, шифр E-777-ТЛ, — пояснил я без эмоций. — Как приказали.

Лыткин фыркнул, не скрывая разочарования, что спектакль не удался. Он потянул к себе футляр, отстегнул пыльные застежки и извлек том в темно-коричневом переплете. «О рекомбинации смысловых полей». Он раскрыл его посередине с профессиональным, небрежным щелчком, намереваясь бегло проверить сохранность и отправить меня восвояси.

И замер.

Его лицо, обычно бледное, вновь начало наливаться знакомой краснотой — от шеи к вискам и лбу. Верный признак нарастающего гнева.

Лыткин перелистнул страницу. Еще одну. Пробежал пальцем по пергаменту. Перевернул несколько листов подряд, все быстрее и быстрее. Звук шуршащей бумаги стал резким, нервным.

— Это что такое? — прошипел он наконец, поднимая на меня взгляд. — Это шутка какая-то, Николаев? Глупая, неуместная шутка?

Я наклонился, чтобы взглянуть. Страницы под переплетом были идеально чистыми. Не пожелтевшими, не выцветшими — а именно чистыми. Гладкий, плотный пергамент, на котором не было ни единой буквы, ни одного знака, ни даже следов когда-то существовавших чернил. Словно книга

никогда не была написана.

— Странно Я взял именно тот манускрипт, который был указан, — сказал я. — С той полки.

— Молчать! — Лыткин ударил ладонью по столу, заставив подпрыгнуть ручки в стакане. Он вскочил, трясая бессмысленным томом перед моим лицом. — Вы что, думаете, я слепой?! Или идиот?! Это пустышка! Бланк! Манускрипт, за которым приехали специалисты из самого Управления темпоральных исследований, оказался ПУСТЫМ! Вы знаете, что это значит?!

Ерунда какая-то! Или же подстава от самого Лыткина?

— Я лишь выполнил ваше поручение, — повторил я, и мое спокойствие, казалось, обожгло его сильнее крика.

— Выполнили? — он криво усмехнулся, швырнув пустой фолиант обратно в футляр. — Вы провалили поручение! Вы подставили отдел! Из-за вашего, я даже не знаю, головотяпства или злого умысла, нам всем светит разгромная проверка! Вы думаете, вас просто так отпустят? Нет, Николаев! Нет!

Он тяжело дышал, собираясь с мыслями для финального, карающего аккорда.

— Прямо сейчас я оформляю на вас выговор! Официально! Посидите вечерами на второй смене, подумаете о своем поведении и о том, как вы будете без премий. А еще подумайте о ценности вверенного вам имущества и о последствиях своей вопиющей некомпетентности! И это еще не все! Я

лично буду контролировать каждую вашу операцию! А с манускриптом — он глянул на чистые листы. — Придется составлять акт об утрате. И в графе «Ответственный» я вашу фамилию напишу, Николаев. Теперь свободны!

Он плюхнулся в кресло, отворачиваясь, всем видом показывая, что разговор окончен. Вся его фигура дышала триумфом. Он добился своего. Нашел, за что зацепиться, чтобы вогнать меня в беспросветную кабалу ночных часов.

Хотел бы я ему врезать? Бесспорно. И врезал бы. Но одна мысль не давала покоя. Если я попал в этот мир через расщеления планов бытия в Архиве, то, возможно, смогу вернуться и обратно этим же путем. А значит за Архив я должен держаться и если вылечу — то потеряю последнюю ниточку, связывающую меня с прежней жизнью.

Я вернулся к своему рабочему, месту попутно размышляя — было ли это все подстроено специально? Все сходилось на том, что именно так и есть. Уж очень сильно все это походило на подставу, мне ли, решале в прошлом, не знать об этом?

Достаточно подсунуть на нужную полку эту пустую книгу, а потом отправить за ней меня. И если это доказать, то кары ждут уже не меня, а самого Лыткина. А доказать это может говорящий кот Арчи! Он ведь живет там и наверняка все видел. Ценный свидетель!

Я улыбнулся. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

С трудом дождавшись обеденного перерыва, я вновь направился в восточное крыло хранилища. Взял с собой рюкзак с ланчем — пара бутербродов и термос с чаем. Тихий архив — идеальное место для спокойного перекуса. Конечно, есть в архив строжайше было запрещено и для приема пищи имелась столовая. Но я решил пока стараться лишний раз не светиться, особенно там, где много кто знал прежнего Леху Николаева. Пока еще не врос в свою новую шкуру.

Коридоры между основным корпусом и крылом были безлюдными. Я уже почти свернул к нужной двери, когда услышал голос. Низкий, властный, привыкший командовать. Босх. Руководитель Архива.

Он стоял у пожарного шкафа, полуотвернувшись, прижимая к уху сотовый телефон.

«Поза напряженная», — невольно отметил я.

Голос, хоть и громкий, звучал сейчас сдавленно, будто Босх пытался говорить уверенно, сквозь ком в горле.

— Да, да, я все понимаю, — произнес он. — Но процесс поиска затягивается! Сложный фонд, ветхие материалы Нет-нет, сохранность образцовая, можете не сомневаться! Просто нужна сверка по старым описям, а они, сами понимаете, местами требуют коррекции.

Он помолчал, слушая что-то на том конце, и его лицо, обычно надменное и гладкое, исказила гримаса раздражения и страха.

— Ничего критического! — почти выкрикнул он, затем

понизил голос, озираясь. — Просто временные трудности. Ничего страшного. Возможно, влияние сырости в отдельных секторах. Мы работаем над этим. Усилили климат-контроль. Да, знаю, что сроки поджимают передайте господину архи-магу, что ситуация под контролем. Полный контроль. Никакой угрозы фондам нет. Да. До связи.

Он резко отключил звонок, судорожно сглотнув.

Босх тяжело вздохнул, как будто это могло вернуть ему утраченное достоинство, и быстрыми шагами, не замечая меня в тени, скрылся за углом.

Я толкнул тяжелую дверь в восточное крыло. Прохлада и тишина обняли меня, как саван.

— Арчи? — тихо позвал я. — Арчибальд, ты где?

Сначала — ничего. Потом где-то на уровне третьей полки, в секторе праславянских гексаграмм, что-то шевельнулось. Из-за толстого тома в синем переплете выползло существо. Оно было размером с большую крысу, но слеplено будто из вырванных из книг знаков препинания — точек, запятых, тире и восклицательных знаков.

Крыса угрожающе зашипела, выставив когтистые лапки-запятые, и бросилось по полке прямо на меня, оставляя за собой след из мерцающих точек и размытых клякс.

Я не дрогнул. Схватил первую попавшуюся книгу и прихлопнул ею тварь. Крыса тут же рассыпалась на точки и запятые.

Из-за угла грациозно выпрыгнул знакомый пепельно-по-

лосатый кот.

— Не сработало, — констатировал Арчи, с легким разочарованием вылизывая лапу. — Ты либо очень смелый, либо уже совершенно безнадежный. Я так старался — взял форму классического архивного ужаса: «Мышь, пожирательница сносок». Обычно люди визжат.

— После встречи с твоим «Мраком», мышь, даже восклицательная, кажется милой зверушкой, — парировал я, кинув книгу обратно на пустой стеллаж. Та упала, раскрывшись на середине. — Арчи, слушай, я хочу спросить про

— Тсс! — кот резко поднял голову, его усы затрепетали. Он принюхался, поворачивая морду из стороны в сторону. Его нос, розовый и влажный, задорно зашевелился. — Что это? Чем это пахнет? Это это колбасой пахнет? Настоящей, вареной? С легким дымком?

Он встал на задние лапы, упираясь передними мне в колено, и посмотрел снизу вверх с трагическим, голодным выражением в огромных глазах.

— У меня сейчас обеденный перерыв, — объяснил я, сдерживая улыбку. — Я как раз собрался

— Обед! — перебил Арчи, и в его голосе прозвучала настоящая драма. — Я тут на свитках сплю, магическими мышами питаюсь! А тут такой аромат восхитительный

Он говорил так, будто столетиями не видел нормальной еды. Я скинул с плеча рюкзак достал сверток, развернул бумагу. Два простых бутерброда: ломти черного хлеба, тонкий

слой масла и несколько кружков дешевой докторской колбасы.

— Вот, — сказал я, положив пакет на пол. — Угощайся.

Арчибальд не заставил себя ждать и набросился на бутерброды с таким азартом, будто это был не скромный перекус, а пиршество богов. Он совсем по-человечески схватил первый кусок лапами, откусил огромный кусок и начал жевать, зажмурившись от блаженства. Крошки хлеба и мелкие кусочки колбасы посыпались с усов.

— М-м-м Как же вкусно! Этот примитивный, но такой честный вкус дрожжей и нитритов в хлебе! Ах! А добавки в колбасе! Чувствую вкус говяжьих хвостов! А еще Неожиданно! М-м-м, вкуснота!

Со вторым бутербродом он расправился еще быстрее, слизал с пола все до последней крошки, а потом тщательно вылизал каждую лапу, на которую что-то попало. Закончив, он повалился на бок, вытянулся во всю длину и издал громкое, довольное урчание, от которого, казалось, задрожали ближайшие полки.

— Фу-у-х, — выдохнул он. — Вот это да. Спасибо, приткий. Ты не представляешь, как давно я не ел колбасы. Отныне ты мой официальный поставщик провианта. Это меняет все.

Он перекатился на живот и снова уставился на меня, но теперь его взгляд был полон благодушия и новой, сытой преданности.

— Так о чем ты там хотел спросить? Теперь я в долгу. Спрашивай что угодно. Хочешь, расскажу, как устроен дренаж магических отходов в подвале? Или какой отдел стеллажей самый удобный для сна? А хочешь, могу рассказать кто с кем в архиве шашни крутит? Там такие страсти кипят! Людка из третьего корпуса вчера

— Арчи, я кое о чем другом хотел спросить. Не видел ли ты сегодня здесь моего начальника? Лыткина. Худой, злой, в вылинявшей синей рубашке.

Арчи перевернулся на спину. Потом встал, запрыгнул мне на плечо, удобно устроился. Я хотел возмутиться, но кот перебил меня:

— Этот дурак? Он сюда нос не сует. Бойтся. Нет, его тут не было. — Кот задумался. — Вообще, кроме тебя никто сюда в последний месяц не заходил. Если не считать мышей-пожирательниц сносок, но они не считаются. Поэтому и маюсь от скуки.

Странно. Мысль заработали быстрее. Если не Лыткин Кто же тогда подменил или стер манускрипт? На полке он лежал среди других, ничем не выделяясь. Или или он уже был пустым, когда я его взял?

Я обвел взглядом строгие ряды полок. Тишина. Стерильный порядок. Никого. Ни души. Значит, подставка была устроена иначе. Только как?

Мозг лихорадочно перебирал варианты, пока взгляд машинально скользил по поверхности ближайшего стеллажа.

На нем лежала та самая книга, которой я уничтожил мышь, пожирательницу сносок. Небольшой манускрипт, в сером картонном переплете, больше похожий на технический журнал или опись.

Мой взгляд зацепился за нее, и я замер.

На открытой странице, прямо на моих глазах, четко распечатанные машинописные строчки начали таять. Не выцветать, не стираться. А именно исчезать. Буква за буквой, слово за словом. Сначала поблекли, стали прозрачными, как призраки, а потом и вовсе растворились в зернистой поверхности бумаги. Следом за первой строчкой принялась вторая. Процесс был беззвучным, жутко методичным. Как будто невидимый ластик аккуратно, но неумолимо стирал написанное, оставляя после себя идеально чистые, пустые полосы.

— Арчи — мой голос прозвучал хрипло. — Смотри!

Кот лениво повернул голову. Его глаза, полные сытой лени, сузились, затем расширились до размеров полных лун. Шерсть на загривке встала дыбом. От его спокойной, ироничной маски не осталось и следа.

— Информация — произнес кот. — Она она исчезает!

Глава 3

Информация и в самом деле исчезала. И это была не галлюцинация.

Первая реакция — паника. Текст растворяется прямо на глазах! Это же так может и весь Архив исчезнуть!

Я с трудом поборол желание рвануть к начальству и доложить о случившемся. Поверят ли мне? Как мне кажется нет, даже если я сейчас притащу эту книгу и покажу, как все происходит в реальном времени. Могут все повернуть совсем иначе. «Николаев, ты чем заразил книгу?!». И все отсюда вытекающее.

Но и замалчивать это все не стоит. Будут разбирательства. Поэтому надо разобраться самому, чтобы принять решение как поступить дальше. Какие масштабы катастрофы? Единичный ли это случай и когда все началось?

— Ты видел такое раньше? — спросил я, не отрывая взгляда от пустеющей страницы. Процесс замедлился, но не остановился. Третья строчка растворялась, как сахар в воде. За ней четвертая. Пятая

— Никогда, — ответил Арчи. Его хвост нервно подергивался.

Я тоже такого еще не видел. Но ведь кто-то же должен знать больше. Кто-то, кто видит все и ничего не забывает.

— Лина, — выдохнул я. — Может, она что-то заметила?

Кот сморщился, пробубнил:

— Не нравится мне эта голографическая самка!

Лина была чем-то вроде души библиотеки, ее навигатором, созданным на базе искусственного интеллекта. Удобная штука, особенно когда попал в Архив впервые и ничего не знаешь.

На ближайшей колонне, на уровне моих глаз, был вмонтирован плоский сенсорный экран — интерфейс системы. Я подошел и коснулся его. Экран ожил, показав стандартное меню навигации по фондам. В углу замигал маленький индикатор готовности.

— Лина? — произнес я. — Уточни по протоколам доступа. Я недавно сдавал манускрипт из хранилища 7-А. Нужно проверить, кто последний брал его до меня. Для отчетности.

— Запрос принят, — голос Лины раздался из скрытого динамика — ровный, чуть металлический. — Манускрипт E-777-ТЛ. Последний запрос на выдачу зафиксирован одиннадцать месяцев двадцать восемь дней назад. Сотрудником отдела темпоральной лингвистики. С момента возвращения и до вашего изъятия — движений нет.

Значит, его никто не подменял. Он пролежал в забвении почти год, никому не нужный.

— А посещаемость самого хранилища? — осторожно спросил я. — Кто заходил в последнее время?

— За последние тридцать суток, — отчеканила Лина, — терминал на входе в сектор 7-А зафиксировал две идентифи-

кации. Вашу. И — на долю секунды ее голос будто замедлился, обрабатывая что-то, — идентификацию начальника Департамента архивного хранения, Поликарпа Босха. Визит состоялся четыре дня назад. Продолжительность: семнадцать минут.

Босх. Я ведь видел его буквально несколько минут назад в коридоре — взволнованного, испуганного, врущего по телефону о «коррекции описей» и «временных аномалиях». Что-то тут нечисто.

— У вас есть еще какие-то вопросы? — поинтересовалась Лина.

— Да, — внезапно воскликнул кот. — Могу ли я заказать в библиотеку пару килограмм ветчины?

— Простите запрос не совсем

— Спасибо, Лина, — прервал я программу-помощника, злобно зыркнув на кота. — Вопрос снят.

— Всегда к вашим услугам, — ответил голос, и в его интонации мне почудилась легкая, едкая ирония? Или просто показалось? — Приятного продолжения работы.

— Какая еще ветчина?! — прошипел я.

— А что такого? — Арчи принялся вылизывать лапу. — Что я, не имею права на ветчину? От этих загадок у меня разыгрался дикий аппетит!

В офисе меня ждал «сюрприз». На моем столе лежал бланк задания, на котором каллиграфическим почерком

Лыткина было выведено:

Николаев А.С.

Задание на ночную смену 22:00 — 06:00.

Плановая сверка физической сохранности единиц хранения по Описной книге 1 (1785 г.) Фонда «А». Полный объем.

Контроль исполнения: Лыткин А.Ф.

Я тихо выругался. Фонд «А». Старейший. Там хранились очень опасные манускрипты.

«Полный объем» означал тысячи папок в лабиринте полуподвальных хранилищ. Это каторга на месяц, впихнутая в одну ночь. Идеальная месть. Еще одна атака, которую нужно выдержать, чтобы попытаться шанс вернуться назад, домой.

Как по расписанию, из-за угла появилась сухая фигура Лыткина.

— Ознакомились с вашим новым заданием? — спросил он, наслаждаясь моментом. — Работа ответственная. Требуется педантичности и аккуратности. Качества, которые вы, к сожалению, пока не демонстрировали. Но, возможно, ночи, проведенные в обществе истории, вас исправят.

Он посмотрел на меня тем взглядом, которым смотрят на насекомое перед тем, как прищлепнуть. Потом фыркнул, развернулся и удалился к своему «трону».

Мне нужен был кофе. Крепкий, черный и желательна двойная порция, ибо ночь будет бессонной. Поэтому я направился к кофемашине в углу коридора. Да и довольную рожу Лыткина видеть лишней раз не хотелось.

Там уже кто-то стоял. Девушка. Я видел ее раньше — из сектора оцифровки. Та самая, на которую засматривались все мужики в отделе, включая, я подозреваю, и самого Лыткина. Светловолосая, с открытым, умным лицом и фигурой, которую даже мешковатый архивный халат не мог испортить.

А еще она походила на мою первую любовь. Смешно конечно, но это действительно было так. И когда я первый раз ее увидел, то просто обомлел.

Сейчас девушка била по автомату, пытаясь получить из него свой капучино.

— Дерни за рычаг сильнее и вверх, — сказал я, останавливаясь рядом.

Она посмотрела на меня, улыбнулась. Глаза серые, внимательные.

— Спасибо. Вечно с ним борьба.

Она последовала совету, машина взвыла и выдала струю мутной жидкости. Девушка вздохнула, взяла стаканчик.

— Алексей Николаев, верно? Из отдела комплектования? — спросила она, но больше для формы.

— Пока что из отдела наказаний, — кивнул я на бланк, выданный Лыткиным.

Девушка глянула на заголовок задания, ее брови поползли вверх.

— Ого. Фонд «А». Ночная смена. Тебя Лыткин точно не любит.

— Взаимно, — отозвался я, забирая свой стаканчик с черной жижей. — Катя, кажется?

— Ага, — она подтвердила, прислонившись к стене. От нее пахло чем-то легким, цветочным, резко контрастирующим с запахом пыли и тонера. — Сочувствую. Там, в тех подвалах, даже днем-то тоскливо, не то, что ночью.

В тоне послышалась вежливость.

— Тоскливо

— Но там всякое бывает. Например, призрак архивариуса, — пошутила она.

Я насторожился.

— Призрак?

— Да. Местная байка, ты что, не слышал? Старый архивариус Семен Семенович Непомнящий. Чудаком был, вел какие-то свои личные записи обо всем. И вот однажды, где-то с год назад — она понизила голос, делая таинственное лицо, — он ушел в тот самый конец Фонда «А» с папкой под мышкой и не вернулся. Исчез. Растворился в архиве.

Я посмотрел на нее, пытаюсь прочитать, где кончается шутка и начинается правда.

— И что, его искали?

— Искали, — Катя пожала плечами и сделала глоток кофе. — Но это же архив. Здесь все теряется. Документы, люди, рассудок В общем, не нашли. Да признаться, особо то и не старались. Сам знаешь Лыткин — вредный тип. А Лыткин на этого Непомнящего зуб имел. Старик вроде говорят из

здания не выходил. Сгинул в архиве. А может просто охранник отвернулся, когда старик домой пошел. Только вот на работе его больше никто никогда не видел Вот и думай. В архиве ли сгинул или домой ушел и там тихо помер. Отписку какую-то сделали. Там вроде выяснилось, что у старика и родственников никаких не было. Да я думаю это просто шутка такая.

— Ого, ты много знаешь

— Ну, так получается, — улыбнулась девушка.

— Может, его монстры сожрали? — предположил я.

— Вряд ли, — пожала плечами девушка. — В той части архива все в полном порядке. Скорее всего, он просто тихо вышел на пенсию в тот же день. Говорю же, замкнутый человек был, даже ни с кем не попрощался. А байку придумали, чтобы новичков пугать. Так что не бойся, призрак тебя не утащит. Но фонарь хороший возьми — освещение там отвратительное. И смотри под ноги, там ящики старые валяются.

— Спасибо за предупреждение, — сказал я искренне. — А то мало ли. Вдруг и правда призрак.

— Держись, — Катя улыбнулась еще раз, теплой, ободряющей улыбкой. — Если выживешь этой ночью — заходи на чай. У меня в отделе есть секретный запас нормального печенья.

Она кивнула и пошла прочь. А я стоял и провожал взглядом ее идеальную фигуру, пока девушка не свернула за угол.

«Жильё» — слишком громкое слово для того, где я теперь жил. Каморка в панельке, в районе, который магия и прогресс обошли стороной. Бывшее общежитие. Длинный коридор и множество комнаток, которые можно за относительно небольшую плату снимать.

Я зашел в общий коридор. В воздухе витал невообразимый аромат дешевой лапши быстрого приготовления, помоев, и чьего-то удушливо-ядовитого парфюма. Стараясь не дышать, я добежал до нужной двери и вошел в свою комнату.

Все, чем владел Алексей Николаев до моего прихода: застиранное постельное бельё, потертый свитер на стуле, три книги по архивному делу на полке и скрипучий диван. Не разгуляешься.

Я сбросил верхнюю одежду единственный стул и повалился на диван. Пружины жалобно взвизгнули. До ночной смены — несколько часов.

Желудок предательски заурчал, напоминая, что с утра я так ничего и не съел — те злосчастные бутерброды я отдал коту. Нужно было хоть что-то в себя закинуть. Из холодильника (маленького, гудящего, как трактор) на меня с тоской смотрели пачка масла, три яйца и пол-луковицы. Лапша. Снова лапша.

Я вскипятил воду в стареньком электрическом чайнике, шум которого заполнил каморку, и начал расковыривать упаковку. В этот момент в дверь забарабанили. Узнаваемый,

дробный, яростный стук. С ним я уже успел познакомиться не раз, пребывая тут всего лишь пару недель.

Сердце упало. Я знал, кто это.

Открывать не хотелось. Но прятаться бессмысленно. Я вздохнул, отодвинул засов и приоткрыл дверь.

На пороге, заполняя собой весь проем, стояла Анфиса Петровна. Хозяйка общежития. Женщина, чьё тело состояло, казалось, из шаров разного диаметра, одетых в ситцевый халат с выцветшими пионами.

Её лицо, обвисшее и вечно недовольное, сейчас пылало праведным гневом.

— А-а-а, живёхонек! — протрубила она, даже не поздоровавшись. — Я-то думала, может, помер уже, раз тишина. А ты тут! За квартиру, когда думаешь отдавать, а? Месяц уже на исходе, а с тебя — ни копейки!

— Анфиса Петровна, добрый вечер, — попытался я вставить слово, но она уже разошлась.

— Не «добрый вечер» мне тут! Зубы не заговаривай. Я тебе, сироте непутевому, комнату сдала, почти за бесценок! А ты? Работаешь в архиве государственном, чиновник поди там уже! И денег нет? Да не может быть! Тратишь небось куда попало. На девочек, на выпивку! — Голос, сиплый, пронзительный, наверняка был слышен на три этажа вниз и вверх.

— Зарплату только в конце месяца получу, — сказал я, стараясь отстраниться от хозяйки — запах кошачьей мочи, исходивший от нее, сбивал с ног. — Сейчас нет свободных

средств. Как получу — сразу отдам. Всю сумму.

— «Получу-отдам»! — передразнила она, сложив руки под огромной грудью. — Слышала я эти песенки! А за коммуналку кто платить будет? А за свет, который ты тут жжешь безбожно? Нет, милоч, так дело не пойдёт. Или деньги завтра к вечеру, или чемодан — на улицу!

— Через три дня, — сказал я чётко, перекрывая ее возмущенное фырканье. — Часть суммы. Остальное — как только получу расчет. А выбрасывать мои вещи вы, кстати, не имеете права. Мы заключили с вами оговор

Она замерла, удивленная моим тоном. Раньше Алексей, наверное, только мямлил и извинялся. Но не я.

— Договор — пробурчала она, но пыл её немного спал. Юридическую грамотность (пусть и поверхностную) она уважала.

— Верно, — кивнул я. И дежурным адвокатским тоном добавил: — И согласно этому же договору, найма жилого помещения, который зарегистрирован в палате имущественных отношений, у меня есть еще не менее тридцати дней на погашение задолженности после официального уведомления, которое вы мне так и не вручили.

— Так я же так ведь — хозяйка растерялась окончательно.

— Анфиса Петровна, вы не нервничайте, это вредно для здоровья. Сказал же — деньги будут. Значит будут. А сейчас извините, мне пора.

И не успела она ничего ответить, как я закрыл перед ее

носом дверь.

Я глянул на часы. Спать уже не хотелось. Пора было отправляться на ночную смену.

Фонд «А» походил на гробницу. Особенно ночью. Холодный пыльный воздух, давно изношенные светильники с подрагивающим словно от факелов светом, мертвецкая тишина. Я шел медленно, таща за собой тележку с каталогами. Единственным звуком был скрип колес и мое собственное дыхание.

Эх, если бы узнать, о чем конкретно говорил Босх. Кажется, он через помощника пытался дозвониться Виктору Зарену, жуткому типу, личному архимагу Его Величества. Знает ли Лыткин о темных делах этих двух? Судя по его реакции на пустую книгу — явно не в курсе. Впрочем, ничего удивительного. Кто такой Лыткин? Никто.

Я свернул в узкий проход между стеллажами, заваленный пустыми картонными боксами.

И замер.

В конце этого тупичка, в пятне тусклого желтоватого света, стоял человек.

— Добрый вечер, — произнес я, приглядываясь. Разве еще кого-то отправили в наказание в ночную? Или кто-то задержался по собственной воле?

Я пригляделся.

Старик в выцветшем до бежевого цвета архивном халате.

Спина худая, чуть сгорбленная. Стоит неподвижно, лицом к полкам, застывший, как монумент. Какого лешего он тут делает?

— Добрый вечер! — повторил я.

Старик ничего не ответил.

Я тихо кашлянул, чтобы обозначить свое присутствие. Никакой реакции.

— Здравствуйте. Работаю по сверке. Можно пройти?

Молчание.

Я сделал несколько шагов ближе. Увидел, что старик все же не замер, а что-то делает. Его рука, жилистая и покрытая пигментными пятнами, медленно, с механической точностью потянулась к папке на полке. Взяла ее. Папка была обычной, серой, с потертым корешком. Старик перенес ее ровно на тридцать сантиметров вправо, на соседнюю, совершенно идентичную по виду полку. Положил.

И замер.

Я тоже остановился, наблюдая. В абсолютной тишине я почти слышал тиканье невидимых часов. Ровно через десять секунд — я отсчитал их про себя — рука снова все с тем же механическим рывком поднялась. Теми же движениями взяла ту же самую папку и перенесла ее обратно, на исходное место.

Старик походил на робота.

— Что за — только и смог вымолвить я.

Какой-то бесконечный, бессмысленный цикл. Ритуал без

цели и конца.

— Вы в порядке?

Старик не ответил. Вновь взял папку. Переложил. Замер. Холодок пробежал по спине. Старческий маразм? Или головой ударился?

— Эй, друг? — я подошел еще ближе, стараясь попасть в поле его зрения. — Вы в порядке? Может, вам помочь?

Он не повернул головы. Не моргнул. Его глаза, которые я наконец разглядел, были открыты, но в них не было ничего. Ни мысли, ни осознания, ни даже тупого упрямства. Они были как два выцветших стеклянных шарика, вставленных в восковое лицо.

Мой взгляд упал на грубую бирку, приколотую к его халату на уровне груди. На ней, старательно выведенными по старинке чернилами, уже потускневшими от времени, значилось:

НЕПОМНЯЩИЙ С. С., АРХИВАРИУС ПЕРВОГО РАНГА

Меня как будто молнией ударило. Это что, шутка?!

Непомнящий конечно же не был призраком. Вполне себе реальный, телесный. Однако он больше походил на зомби, которому стерли память.

Любопытство охватило меня. Я осторожно приблизился к стеллажу, стараясь не нарушать ритм движений старика. Его рука снова перенесла папку. В тот момент, когда она опустилась, и начался десятисекундный отсчет, я быстро, но акку-

ратно проследил за его левой рукой. Она была прижата к боку, и в тонких, почти неживых пальцах что-то белело.

Ключок бумаги. Скомканный, зажатый так крепко, что, казалось, он врос в кожу.

«огласные не сходятся проверить шифр А-315 аномалия в под»

Слова Кати о «личных записях», которые делал Непомнящий, прозвучали в памяти. Интересно. А что, если Непомнящий вел их до самого конца? И этот ключок — последнее, что осталось в его руке, когда его очистили?

Расчет был на секунды. Я не мог просто вырвать бумагу — это могло нарушить хрупкое равновесие, в котором пребывал старик, спровоцировать его на что-то непредсказуемое. Но и уйти без нее я не мог.

Я вытащил из кармана шариковую ручку. Когда ладонь старика вновь потянулась к папке, я ловко и быстро поддел кончиком ручки край бумажки, зацепил ее и потянул на себя.

Ключок с легким шелестом высвободился из ослабевших пальцев. Непомнящий даже не дрогнул. Его пустая рука завершила движение, взяла папку и понесла ее обратно. Он ничего не заметил. Ничего не понял.

Я отступил на шаг, разглаживая в ладони драгоценную смятую бумагу. Почерк был нервным, торопливым.

«огласные не сходятся проверить шифр А-315 аномалия в под [далее текст оборван, пятно от чего-то темного, похоже-

го на высохшие чернила или ржавчину] не память, а тишина она жрет»

— Она жрет — прочитал я вслух последние слова.

И глянул на старика. Тот вновь переложил папку. Замер. Вернул папку на место. Замер.

— Кто же такая эта «она»? И что она жрет? Мозги?

Непомнящий не ответил.

Я вновь глянул на записку. Может, ответы тут? Шифр А-315 есть в каждом секторе. Нужно понять какой именно имеется ввиду. «Аномалия в под». В подвале? Тогда это Фонд Ноль. Фонд с первой группой допуска, куда обычным архивариусам не пройти.

Я перевернул записку. Там тоже было что-то написано:

«Черный туман, с золотистыми полосами перемещающий»

Меня словно окатило холодной водой. Я перечитал раз. Второй. Третий.

— Черный туман, с золотистыми полосами — одними губами прошептал я.

Тот самый, что схватил меня на встрече с генералом! И отправил сюда, в этот мир. Ведь там тоже была эта чернота со странными сияющими золотом полосами.

«Перемещающий»

Боги! Неужели я нашел зацепку?! Ту самую ниточку, которая приведет меня к разгадке тайны моего перемещения? Ну Непомнящий, как же ты удачно мне попался!

Так, и где же это хранятся у нас ответы на мои вопросы? Неужели в Фонде Ноль?

— Фонд Ноль — задумчиво произнес я. Что же там с тобой произошло?

Старик вдруг он вздрогнул. Это внезапное новое движение, выбивающееся из его механического действия, заставило меня напрячься. Старик вздрогнул вновь. Еще толчок. Будто в его иссохшее, механическое тело вогнали раскаленный лом. Его спина выпрямилась с неестественным, костлявым хрустом. Рука, замершая в полуметре от папки, задрожала мелкой, частой дрожью.

Что-то пробуждалось в нем.

Из горла старика вырвался звук. Не крик, а скорее скрежет, скрип ржавых петель. Потом еще один. Глаза, до этого пустые и стеклянные, закатились, открывшись белкам, очерченным тонкими кровавыми прожилками.

И он закричал. Громко. Пронзительно.

— А-а-а-аррргх Г-г-г-р — звук словно разрываемой изнутри плоти, наполненный диким, животным ужасом и яростью, которой в этом теле не должно было остаться.

Звук, сотканный из скрежета, хрипа и леденящего душу визга.

— Семен Семенович?.. — сдавленно произнес я.

Он не ответил. Сделал шаг. Потом еще один. Движения были порывистыми, угловатыми, как будто незнакомое существо, поселившееся в нем, заставляло их двигаться.

— Фон д — прохрипел старик. — Фонд Ноль Фонд Ноль

Он повторил это, словно заклинание несколько раз. Слова выходили с усилием, будто их выталкивали наружу вместе с кровавой пеной.

Еще шаг. И еще. Все ближе ко мне.

Я отшатнулся, спина уперлась в холодный металл стеллажа. Черт! Пути к отступлению в узком проходе не было. Тележка с книгами преграждала путь с одной стороны, груда ящиков — с другой. Холодная рука страха сжала горло.

Непомнящий приближался. Его дыхание было громким, хриплым, как работа сломанных мехов. В его выцветших глазах горел чужой, нечеловеческий огонь.

— Фонд Ноль — вновь забулькало у него в горле. —
ФОНД НОЛЬ!

Моя рука инстинктивно потянулась к карману, где лежал лишь смятый клочок бумаги. Ни камня, ни оружия. Только я и сумасшедший зомби-архивариус.

Который был уже в двух шагах от меня.

Глава 4

Архивариус шёл на меня, не видя препятствий, задевая и опрокидывая книги с полок с такой лёгкостью, будто это были плюшевые игрушки. Руки, совсем не предназначенные для боя, были сведены в крючья. Такими тощими костлявыми паклями душить в самый раз.

Но даже не это сейчас меня напугало. Сила. Огромная нечеловеческая сила появилась в его руках и Непомнящий сейчас эту силу демонстрировал.

Со звериной яростью он бросился на меня, схватил за ворот и швырнул. Я полетел так быстро, что даже не успел сгруппироваться. Если бы не стопки книг, расположенные на уровне моего приземления, то травм было бы не избежать.

— У-у-кх! — выдохнул я, сползая на пол.

Но не успел и встать, как Непомнящий оказался уже рядом. Удар наотмашь рукой. Я успел выставить блок. Подскокил на ноги и

Еще удар!

Как будто меня лягнул разъярённый мул. Воздух с хрипом вырвался из лёгких. Я отлетел назад, ударился спиной о другой стеллаж. Металл прогнулся с жалобным скрипом, и на меня посыпались папки. Боль пронзила рёбра, спину, в глазах помутнело.

— Грх — прошипел старик, делая шаг вперёд. Его стек-

лянный взгляд теперь был прикован ко мне.

«Так, — пронеслось в голове, затуманенной болью. — Нужно что-то срочно придумать. Иначе он меня просто превратит в фарш».

Я откатился в сторону, пытаясь подняться. Архивариус развернулся. Он заметил тележку с книгами, преграждавшую ему путь. Его пустой взгляд скользнул по ней. Старик схватил ее и поднял!

Массивная металлическая конструкция весом под сотню килограммов оторвалась от земли с удивительной легкостью!

И полетела прямо в меня.

— У-ух! — выдохнул я, успев увернуться в последний момент.

Тележка врезалась в бетонную стену, сложилась, как карточный домик, превратившись в бесформенный комок искореженного металла. Колесо отлетело и покатило по коридору.

Сердце ёкнуло где-то в пятках.

Как же такое возможно? Катя сказала, что Непомнящий пропал год назад. И что же, весь год он тут был? То, что его не обнаружили это я еще могу понять — в такие закутки, где технические отчеты лежат, раз в десятилетие заглядывают. Но ведь Непомнящий должен был чем-то питаться! И чем-то явно необычным, раз такую силу получил!

«А может, он людьми и питается?» — пронеслась шальная

мысль. Да нет. Скорее что-то магическое. Уж чего-чего, а магии в архивах хватало на любой вкус.

Черт, что же делать? Убивать старика нельзя — это всё ещё человек, пусть и весьма необычный. Но и дать ему себя задушить или утащить в неизвестном направлении — тоже не вариант.

Еще одна атака. Кулак со свистом пролетел в сантиметре от виска.

Я отступил. Едва не запнулся о валяющиеся книги.

Постой Непомнящий так остро среагировал на Фонд Ноль и на меня, произнесшего эти слова. Это послужило каким-то триггером для него и значит это можно использовать как инструмент.

Есть одна идея

Я схватил упаковочный бумажный мешок для книг, валяющийся рядом. Плотный, крепкий.

Выгадав момент, юркнул под руку противнику и оказался у него за спиной. Непомнящий замешкался. В этот же самый момент я накинул ему на голову мешок. И затаился.

Непомнящий заурчал, принялся вертеть головой. Но раздражителя в виде меня уже не видел. Пришлось подождать пару минут, чтобы архивариус успокоился и затих окончательно.

Что же делать дальше? Однозначно нужно вывести бедолагу Непомнящего из этого тупика, в который он сам себя (а может бы и не сам) загнал. Только вот как?

Я попытался повести старика, но сколько не прилагал усилий, так и не смог его сдвинуть с места. Он словно врос в пол.

Кажется, оставался только один вариант заставить его идти.

— Я об этом сильно пожалею, — проворчал я и сдернул с головы старика бумажный пакет.

— Эй, Семён Семёныч! — крикнул я громко, отбегая к началу коридора, где было чуть светлее. — Фонд Ноль! Он там! Пойдём!

Имя, кажется, задело какую-то ржавую шестеренку внутри головы старика. Он поднял голову, его взгляд на миг сфокусировался на мне. Повторное появление раздражителя сработало, но иначе. Старик не побежал, а медленно пошел. Затем уперся в преграду — тележку, которую сам же и швырнул. Обошёл ли старик её? Нет. Просто перелез через нее.

— Фонд Ноль! Он там! — заорал я и побежал сторону выхода из этого мрачного сектора.

Старик повернул голову на звук. «Фонд Ноль». Цель установлена.

С низким, похожим на стон, рычанием он развернулся и рванул в мою сторону с невероятной скоростью.

Моя цель была не убежать, а направить старика в более людное место. Пусть архивариус упрется где-нибудь в коридоре, в углу, где его наутро смогут обнаружить работники. И помочь, если это еще возможно.

Я выскочил в коридор. Непомнящий, словно зверь, последовал за мной. Боги, как же он быстр!

Мы рванули наперегонки по коридору. И если бы не короткая дистанция, то старик бы меня нагнал уже на следующей сотне шагов по прямой.

Я повернул, выскочил в основной коридор Фонда «А». Здесь было чуть больше света от вечно мигающих светильников.

— Эй! — снова крикнул я, хлопая ладонью по металлической стойке. Звонкий гул прокатился по тишине. — Сюда! Фонд Ноль здесь!

Непомнящий зарычал. Его взгляд скользнул по мне, но затем упал на длинный, уходящий вдаль коридор. На его конце была дверь — не в Фонд Ноль, конечно, а в соседний сектор, где днём работали люди. Туда — мелькнуло в глазах старика.

— Да, да, туда! — кивнул я.

И вновь побежал, хлопая в ладони. Каждый звук, каждое движение заставляло Непомнящего менять траекторию, двигаться за мной, как за приманкой. От одного только стеклянного взгляда пропавшего архивариуса становилось не по себе.

Давай, еще чуть-чуть. Ближе. Еще ближе, к двери.

Рука потянулась к тяжёлой ручке. Непомнящий споткнулся, немного замедлился. Идеальный момент.

Я рванул дверь на себя, выскочил в освещенный коридор и тут же отпрыгнул вбок, в нишу с пожарным щитом. Выждал

— и как только старик влетел за мной, накинул бумажный мешок ему на голову.

Непомнящий по инерции пробежал вперед, навстречу тележки для документов. Раздался грохот.

Я тут же захлопнул за стариком дверь, закрыв его в офисе. Пусть посидит там до утра.

Но что будет если пакет вдруг упадет с его глаз думать не хотелось. Дверь едва ли выдержит его напора.

Прижавшись к холодной стене, я перевел дыхание. Цель достигнута. Теперь это проблема архива, а не моя личная. И самое главное — он жив. А я получил кое-какую информацию.

Итак, Фонд Ноль. Место секретное, попасть туда просто так не получится. Но там, как я надеялся, есть кое-какие ответы. Например, что же произошло на самом деле с Непомнящим. Возможно ли, что его таким образом почистили, потому что он узнал слишком много? Такой вариант не стоит отметать. А значит в Фонде 0 есть что-то, что пытаются скрыть.

Кто знает, может получится узнать почему я переместился в этот мир? Вопрос и вправду мучал меня. Рай, ад — это все понятно. Но другой мир Может, это какой-то эксперимент? Что за черно-золотистый туман схватил меня и швырнул сюда? А может меня погрузили, скажем, в какой-то глубокий сон и тестируют какие-нибудь программы?

Мысли о доме усилили желание срочно идти в Фонд Ноль,

прямо сейчас, окончательно завладело мной.

Тут же начали одолевать и сомнения. Проникнуть в Фонд Ноль.

С одной стороны — правила. Железные, неоспоримые. Нарушение режима Фонда Ноль — это даже не выговор от Лыткина. Это государственное преступление. Посягательство на Императорскую тайну. Даже мысль о таком, вероятно, уже карается если не расстрелом, то вечной каторгой в магических рудниках, где сходят с ума за неделю. Босх не станет церемониться — живо сдаст полиции. «Вот он, неблагонадёжный сын опального, пробрался в святая святых!» Моя жалкая защита — статус винтика — испарится в мгновение ока.

С другой стороны — прежняя жизнь. Хотел ли я вернуться в свой мир? Еще как! И даже маленький шанс это осуществить вызывает во мне бурю эмоций. Тут я — чужак. А там — дом.

Шанс. Призрачный, безумный. Если там, в самом сердце этой Фонда Ноль, находятся механизмы, способные стирать память и информацию то что, если они могут и обратное? Что, если там есть что-то, связанное с самими расслоениями реальности? Не ответ ли это на главный вопрос — как я здесь оказался? И единственная ли это дорога домой?

Непростой выбор.

Остаться — значит или подстроиться под нее, или медленно, но верно быть раздавленным системой, съеденным

монстрами или спившимся в своей конуре от безысходности. Сгинуть тихо, как и положено ничтожеству.

Пойти — значит бросить вызов самой системе. Рисковать всем. И найти выход. Или сгореть ярко и быстро.

В прошлой жизни я выбирал риски. Рассчитывал их, страховал, всегда оставлял себе путь к отступлению. Здесь путей к отступлению не было. Только пропасть впереди и пропасть сзади.

Делая выбор, сказать, что я не боялся — соврать. Страх сжимал горло ледяными пальцами. Адреналин, знакомый и почти забытый, начинал сочиться в кровь, заставляя сердце биться чаще, а мысли — проясняться.

Кто я здесь? Никто. У меня нет связей, денег, власти. Но у меня осталось одно — умение идти ва-банк, когда ставки максимальны. И понимание, что иногда единственный способ победить в игре — сжечь карточный стол.

Решение принято. Ставки сделаны. Я иду.

Но сначала подчистить следы.

Я вновь спустился в Фонд «А». Тишина. Практически гробовая.

А вот и он — проход. Картина маслом. Рассыпанные папки, опрокинутая стойка с карточками и она. Тележка.

Она лежала на боку, искореженная, как консервная банка под танком. Одно колесо откатилось в сторону. При более внимательной изучении масштаб разрушения впечатлял ещё

больше. Сила, согнувшая толстый металл, была явно нечеловеческой. Никакой «старик, заблудившийся в темноте», не мог оставить после себя такое.

Если такое кто-то увидит и доложит Лыткину или, того хуже, Босху, шуму будет

Тут нужно все убрать. Сейчас. Но как? Она весила больше центнера. Просто вынести — невозможно. Спрятать тут же? Все уголки просматривались. Разобрать? Нужны инструменты, время. Да и шуму наделаю.

Я потёр переносицу. Вот так всегда — самый простой план упирается в одну дурацкую деталь.

— Упс, — раздался голос у меня за спиной. — Похоже, кто-то не рассчитал силу. Опять.

Я обернулся. На разбитой стойке, грациозно выгнув спину, сидел Арчибальд. Он посмотрел на тележку с видом знатока, оценивающего работу ремонтника.

— Не время для шуток, — буркнул я. — Это надо убрать. И быстро.

— Очевидно, — кивнул кот, спрыгнув на пол и обойдя металлический труп. — Тяжеленькая. И шумная. Скрипеть будет на весь архив, если её потащить. Не вариант.

— Спасибо, капитан Очевидность. Идеи есть?

Арчи сел, обвил хвостом лапы и задумался. Его зеленые глаза сузились.

— Физически убрать нельзя. Значит, нужно маскировать. Но не просто накрыть. Нужно сделать так, чтобы её здесь не

было видно. Даже если смотреть прямо.

— Невидимую сделать? — усмехнулся я. — Ты можешь такое?

— Я? Нет, — кот фыркнул. — Но у меня есть знакомый, который обожает прятать вещи. Особенно в тенях.

Мрак. Конечно.

— Он сможет это утащить? — скептически спросил я. Та тварь была проекцией, сгустком страха. Тащить материальный объект? Сомневаюсь.

— Не утащить, — поправил Арчи. — Утопить. В тени. В самой глубокой, старой тени, какая тут найдётся. Там, где даже свет из щели не пробивается. — Он встал и потянулся. — Это будет не навсегда. На день-два. Пока не рассеется концентрация.

— И этот хлам не обнаружат?

— Мрак поглощает и не такое. Будь уверен — твоя разбитая тележка не будет увидена никем.

— Хотелось бы в это верить. Двое суток говоришь?

— Да. Я уже такое делал.

Большого мне и не нужно было. За это время можно придумать что-то еще.

— Делай, — коротко сказал я.

Арчи закрыл глаза. Воздух вокруг него сгустился, потяжелел. От его лап поползли чёрные, маслянистые разводы, сливающиеся с пылью на полу. Они вились, как дым, собираясь в знакомый, пугающий овал. Из него медленно выплыл

Мрак. Его единственный жёлтый глаз замерцал тусклым, послушным светом.

Арчи, не открывая глаз, мяукнул. Мрак обернулся.

— Прибери тут за человеком, — приказал кот и кивнул на тележку.

Тень двинулась к ней, растекалась по металлическим ребрам, как черная жидкая плёнка. Где тень касалась тележки, та начинала терять чёткость контуров, сливаться с полумраком помещения. Звук был жутковатый — тихое стрекотание, будто тысячи насекомых облепляют металл.

Через минуту тележка стала призрачным силуэтом. Ещё через минуту от неё осталось лишь тёмное, неясное пятно на полу. А потом и пятно начало растворяться, втягиваясь в более глубокую тень под самым дальним, заваленным хламом стеллажом. Там, в нише, куда не попадал даже отраженный свет, царила абсолютная чернота.

Мрак издал удовлетворенный, похожий на вздох звук и сам начал таять, втягиваясь обратно в ту самую нишу. Через несколько секунд от него не осталось и следа.

Я подошёл к тому месту. Пол был пуст. Только пыль да пара забытых бумажек. Даже вмятины от колёс будто сгладились. Я осветил фонариком телефона в нишу. Там лежали какие-то обломки дерева и кипа пожелтевших бумаг. Никакой тележки. Она буквально растворилась в темноте.

— Невероятно!

Кот махнул хвостом.

— Ты же понимаешь, что я делаю это не бесплатно?

— Ветчина?

— Она самая. Двойной объем, — растянувшись в улыбке, кивнул Арчи. — Магия продержится до завтрашнего вечера. Возможно — больше. А там — он пожал плечами, — там видно будет. Может, она даже сама потихоньку «проявится» где-нибудь в другом углу. У теней своя логика.

— Главное, чтобы не в кабинете Лыткина, — мрачно пошутил я.

— О, это было бы зрелищно, — хмыкнул Арчи. — Ну что, прыткий? Основную улику прибрали. Что дальше?

— Дальше — я сам справлю. Спасибо за помощь и все такое.

Арчи улыбнулся.

— Сам справишься? Какие же вы наивные, человеки! Собираешься на дело — и надеешься что все выйдет гладко? — кот жутко рассмеялся, сверкнув глазами. — Как жаль, что ты скоро умрешь! Ты был забавным кожаным мешком.

Коридор был пуст и зловеще тих. Я двинул к кабинету Лыткина. Дверь, конечно, была заперта, но замок на ней был старый, механический, а не магический — в целях экономии. Лыткин жмот еще тот, даже если дело касается казенного имущества. Для меня, бывшего решалы, чьи пальцы помнили куда более сложные комбинации, этот замок оказался не проблемой. Пара осторожных движений отмычкой, согну-

той из прочной скрепки для архивных папок, — и щелчок прозвучал громче, чем я ожидал, в гробовой тишине.

А вот и кабинет Лыткина!

Внутри пахло дешевым лосьоном. На столе идеальный порядок — Лыткин был известен своим перфекционизмом.

А вот это интересно.

Я подошел ближе, глянул на небольшой портрет женщины в рамке. Кто это полная рыжая женщина с носиком картошкой? Мать Лыткина? Слишком молода. Сестра? Совсем не похожа. Жена? Лыткин не женат. Девушка его?! Судя розовой рамочке на фотографии и месте — почетном, почти в центре, — именно так.

Я не стал включать свет. Лунного из окна вполне хватало, он выхватывал из мрака очертания массивного письменного стола. Я не полез в ящики — не в них было дело. В углу стоял небольшой, но тяжёлый сейф «Урал» старого образца. Зеленая краска облезла. Вот туда мне надо.

К сейфу у меня не было комбинации, но у Лыткина была одна дурная привычка — он писал важные цифры на огрызках бумаги и клал в карман своего рабочего халата, который вешал на спинку стула.

Я нашёл халат. И там, в кармане обнаружил нужную бумажку, где аккуратным почерком было выведено: «37-12-89».

Сейф открылся с глухим стуком. Внутри лежали пачки бумаг, несколько толстых конвертов (я даже не взглянул),

а в дальнем углу, на бархатной подкладке — восемь матово-чёрных обсидиановых диска, каждый размером с крупную монету. Стандартные казенные стабилизаторы. Я взял два. Один — на запястье. Второй — в карман, на всякий случай.

Я уже собирался закрыть сейф, когда в проеме двери, залитом лунным светом, появилась посторонняя тень.

Тень двинула в мою сторону.

Глава 5

Я напрягся, готовый тут же рвануть в атаку. Кто явился? Кто-то из офиса задержался? Лыткин что-то забыл в кабинете? Или монстры уже совсем обнаглели и бродят по коридорам Архива?

Нет. Тень была иной. Пушистая, с высоко поднятым хвостом.

— Воровать не хорошо, Лекс, — раздался бархатный голос.

— Во-первых, я и не ворую — беру на время. Потом верну. Если, конечно, целые останутся. А во-вторых: ты что здесь делаешь? Я же сказал, что справлюсь сам! — спросил я, закрывая сейф.

— Гуляю. Ночью тут никого нет. Можно посидеть на столе начальника, не боясь, что на тебя наорут. — Кот запрыгнул на стол Лыткина и с грацией, полной презрения, прошёлся по разложенным бумагам, нарочно при этом уронив фотографию, стакан с ручками, карточки. — Кстати нет ли у тебя бутербродов? А то аппетит разыгрался.

— Нет у меня бутербродов. И ветчины тоже, — я глянул на кота. И вдруг у меня возникла идея: — Но я могу добыть тебе желаемое. Очень много колбасы. Вкусной колбасы. За одну небольшую услугу.

— Слушаю тебя очень внимательно, — Арчи присел, об-

вил хвостом лапы. Его зелёные глаза засветились в полумраке, как два фонаря.

— Нужно помочь мне кое-куда проникнуть.

— И куда же собрался прыткий человек с двумя свеженькими камушками? — улыбнулся кот. В глазах сверкнула ухмылка — кажется, он уже знал куда именно мне нужно.

— В Фонд Ноль.

Арчи замер. Его усы дрогнули.

— О-о-о, — протянул он, и в его голосе прозвучала странная, почти театральная нота. — Прямо сейчас? Один? Без плана, без карты, без приглашения?

— Примерно так.

— Идеально, — прошипел кот, и его уши наострились. — Только вот что толку мне с этого, если колбасу в итоге я все равно не получу.

— Это еще почему?

— Потому что ты идешь на верную смерть.

Арчибальд загадочно улыбнулся, что для кота выглядело особенно жутковато — уголки рта поднялись, обнажив кончики острых клыков.

— Не сгущай краски! — отмахнулся я.

— Думаешь, Фонд Ноль — это просто подвал с плесенью? — кот фыркнул. — Там есть кое-что поинтереснее. Имей в виду, когда увидишь его — не кричи. А лучше кричи. Будет смешнее.

— Там что, тоже расслоение реальности и монстры?

— Нет, расслоения там нет, но

— Но? Хватит говорить загадками! — рявкнул я, уже теряя терпение.

Арчи спрыгнул со стола и бесшумной тенью скользнул к двери, оглянувшись на меня.

— Постой, — остановил его я, догадавшись в чем дело.

— Ты и сам не знаешь, что там! Верно?

— Ну допустим, — кивнул тот. — Но чувствую — место не хорошее. Кошки особенно восприимчивы к этому.

— Чувствует он! А я чувствую, что ты хочешь цену себе набить! Так вот — не выйдет. Ну так что, согласен помочь? Или хочешь без колбасы остаться? Вкусной, жирной, со специями колбасочки

— Хорошо-хорошо! — не выдержал Арчи. — Согласен! Но колбасу чур сразу по завершению дела!

Арчибальд, кажется, был искренне взволнованным перспективой проникновения в Фонд Ноль. Не из-за любви к приключениям и возможностью взглянуть на редчайшие манускрипты. А из-за того, что я пообещал ему за это целую копченую колбасу, «ту, что в вакуумной упаковке, со шпиком».

Под постоянный бубнеж кота мы двинули в дальнюю часть Архива.

— Арчи, — прошептал я, отплеываясь от паутины. — Этот Фонд Ноль Что это, в сущности? Просто еще одно хра-

нилище?

Основную информацию про Фонд Ноль я конечно же знал. Но она была базовой и ее было очень мало — все-таки помощникам архивариусов мало что говорят.

— Хранилище? Нет, Лекс. Это не хранилище. Это карцер. Или изолятор. Место, куда свозят то, с чем не могут или не хотят разбираться. Самые опасные, нестабильные свитки и манускрипты. И самые «неудобные» документы — те, что знать не положено, но и уничтожить боятся. Их не каталогизируют. Их заключают. Как в каменный мешок. Подвал под подвалом, за семью печатями и дюжиной заклятий.

— Зачем?

— Как это зачем?! — удивился кот. — А если этот свиток того?

— Чего — того?

Кот фыркал, пытаясь подобрать нужные слова для объяснения.

— Если этот свиток начнет излучать магические эманации или еще чего. Свитки разные бывают, их появление тоже разное. Некоторые доставляют из дальних городов и уездов, от государственных магов, несущих службу. Там самые мощные свитки, верные. И техники магические в них описаны тоже проверенные веками. А некоторые манускрипты передают в дар родственники какого-нибудь мага-самоучки, который за всю жизнь очень хорошо прокачался в магическом плане, но в плане составлять грамотные свитки — нет.

Записал он на бумагу свои измышления и магические расчеты, а охранные печати не сделал, или сделал, да абы как. И вот до времени свиток вроде не опасный, а на самом деле что бомба замедленного действия — копит в себе энергию. И в какой-то момент может ее выплеснуть — рвануть. Поэтому вот в такой карантин на долгие годы и помещают свитки — в Фонд Ноль.

Он остановился, повернув ко мне морду.

— Понимаешь? Поэтому если мы сунемся туда без толкового плана, может всякое случится.

Это я прекрасно понимал.

Просто так приложить пропуск к двери Фонда 0 было равно самоубийству. Камеры висели на каждом углу, как чёрные, не мигающие глаза. Даже в три часа ночи, когда живых душ в архиве почти не оставалось, система наблюдения работает. Босх не был бы Босхом, если бы не обложил своё самое секретное хранилище слоями электронной защиты.

— Тебе вообще зачем туда понадобилось лезть?

— Надо кое-что проверить. Кстати, ты архивариуса Непомнящего случаем не знаешь?

— А этого, который зомби-старик? — лениво протянул кот.

— Стоп! Ты знаешь про него?!

— Я же говорю — все тут знаю!

— Что с ним случилось?

— А вот как раз пошел он в Фонд Ноль и вышел потом

оттуда такой — ненормальный. Без мозгов совсем. Так же, как и ты, кстати, ночью ходил туда. Потом вот таким стал. Каким уж чудом, но дополз до Фонда «А» — а ведь там на лифте подниматься черте сколько! — благо он тут недалеко находится. И там уткнулся в стену. Зациклился, папку одну все перекладывает.

— Уже не перекладывает, — сухо ответил я. — Пошли. Мы подошли к терминалу поиска, стоящему в коридоре. — Лина!

В этот момент воздух перед терминалом завибрировал и собрался в знакомую строгую голограмму. Аватар Лины, с идеальным пробором белоснежных волос и ледяным взглядом, материализовалась, прямо перед нами.

— Слушаю вас, господин Николаев.

Кот, едва увидев Лину, зашипел.

— Опять этот тостер говорящий!

— Обнаружена деструктивная активность в секторе Г-7, — произнес её безэмоциональный голос. — Повреждение имущества фонда. Уровень угрозы: низкий. Код нарушения 4-Б: «Животное в Архиве».

Арчи наострил уши и язвительно поднял бровь.

— Что за клевета? Какая я вам тут угроза? Напротив, я помогаю Архиву! На мышей, между прочим, охочусь!

Голограмма Лины слегка за мерцала, словно от возмущения.

— За последние тридцать дней, — отчеканила она, —

в вашем присутствии зафиксировано семь случаев падения предметов с полок, три следа от когтей на переплётах семнадцатого века и один химический инцидент у свитков польской некромантии.

— Какой еще химический инцидент? — уточнил я.

— Мои сенсоры фиксируют органические соединения амиака и уриновой кислоты, — холодно парировала Лина.

— Вот ведь стерва! — прошипел кот.

— От блохастого слышу

— Хватит спорить! — перебил их я. — Лина. Запрос по архивариусу Непомнящему. Для отчётности в рамках проверки фонда требуется подтверждение: вносились ли им какие-либо корректировки или уточнения в электронный каталог после даты подписания акта. Нужно понять объём работ.

Пришлось врать, потому что иначе этих данных было бы не получить. Да и предосторожность не помешает — электронный след нужно оставлять правильный. А Лина безусловно даст полный расклад — кто и о чем ее расспрашивал.

— Сотрудник Николаев А. С. Цель вашего запроса подтверждена, — произнесла голограмма. Её губы едва шевелились. — Данные — отсутствуют.

— Подробнее. Почему отсутствуют, ведь он же — я вовремя прикусил язык. — Он же ведь работал тут, пусть и очень давно. Посмотри по сессиям посещения. Возможно, он просто не успел внести необходимые данные в систему.

— Сессия архивариуса Непомнящего С. С. в Фонде 0 не закрыта 268 дней 4 часа, 17 минут, статус: «В работе». Привилегии архивариуса 1-го ранга активны, не заблокированы.

Лина смотрела прямо на меня. Сквозь неё был виден узор на стене.

А я едва сдержался, чтобы не запрыгать от радости. Если сессия не закрыта, и система до сих пор видит в «спящей» сессии полноправного архивариуса высшего ранга, значит это сильно облегчает мне возможность проникновения в Фонд Ноль. Это как открыть дверь кабинета, поработать, а потом, перед уходом домой, забыть закрыть эту самую дверь.

И в эту дверь можно проникнуть.

— Привилегированный уровень доступа сохраняется, — продолжила Лина. — Но аутентификация для нового входа заблокирована по протоколу «Молчание». Сессия считается технически живой, но недоступной. Это противоречит внутренним правилам безопасности.

— Что это значит? — не понял я.

— Для активизации сессии необходима идентификация архивариуса Непомнящего С. С. в системе.

Я тихо выругался. Рано радовался.

— Спасибо, — выдавил я, собираясь с мыслями. — Этой информации достаточно. Отчёт будет составлен корректно. Конец связи.

— Рада была помочь, — произнесла голограмма, и её образ начал растворяться, тая в воздухе, как дым.

— У-у, стерва! — в след ей бросил кот. Потом, повернувшись ко мне, спросил: — Что она тут вообще наболтала? Загадками все время какими-то изъясняется.

— Она сказала, что попасть в Фонд Ноль будет очень и очень сложно.

— Но возможно? — добавил кот и растянулся в хитрой улыбке.

— Возможно, — кивнул я. — Но для этого нам понадобится один наш общий знакомый

Прежде, чем идти в Фонд Ноль нужно было решить еще одну проблему. Камеры. Их отключение вызовет автоматическое оповещение охраны. Использовать какие-либо магические штучки тоже не выйдет — будет тот же результат.

— И как же ты их обойдешь? — спросил Арчи.

— Есть одна идея Скажи, ты сможешь создать что-то вроде помех?

— Так сам же сказал, что это не прокатит, — ответил кот. — Оповещение охраны будет.

— В одном случае не будет.

— И в каком же?

— В архиве каждый магический фолиант, свиток или артефакт — это, прежде всего, магический объект, излучающий остаточную энергию. Тем более в Фонде 0. Система безопасности учитывает это: камеры и датчики имеют магические фильтры-стабилизаторы, чтобы «картинка» не искажа-

лась рябью от сильных фолиантов. Но даже они иногда не помогают.

Кот продолжал недоуменно не меня смотреть.

— Спонтанные кратковременные всплески фоновой эманации приводят к помехам в работе камер наблюдения. Но на это помехи маркируются как «норма», то есть не являются признаком неисправности.

— Откуда знаешь?

— Лыткин как-то поручил разбирать техническую документацию. В наказание. Вот и запомнил.

— А ты не так прост, как кажешься на первый взгляд, — усмехнулся Арчи.

— Нужно только создать точное подобие тех помех.

— За это не переживай, — кивнул кот. — Я сам уже часть Архива, такие воздействия мне знакомы. Сделаю.

— Отлично!

План был безумно опасным. Но выяснить что случилось в Фонде 0, чтобы, возможно, найти ответы на мои главные вопросы стоили того.

Для начала нужно было собрать все «ключи» в одну кучу.

Мы зашли в лифт. Двери с глухим лязгом закрылись за нами. Я нажал кнопку с надписью «Фонд Ноль». Никаких цифр, только эта абстрактная, зловещая метка.

Мотор где-то вверху взвыл, и кабина дёрнулась, начав спуск. Сначала привычно — этаж, второй, третий. Потом счётчик этажей на табло погас, оставив лишь зелёную под-

светку кнопки «Фонд Ноль». Лифт продолжал падать. Минута. Две.

— Слушай, — сказал я, глядя на гладкие стальные стены. — А сколько этажей вниз расположен Архив? Поймал вдруг себя на мысли, что не знаю этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.